

Андрей Поцелуев
Дюльбер 1918
Пьеса

Андрей Владимирович Поцелуев

Дюльбер 1918

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70400617

SelfPub; 2024

Аннотация

Действие пьесы «Дюльбер 1918» охватывает период с февраля 1918-го по апрель 1919-го года – бушующее революционное время свержения самодержавия в России. Герои – красный комиссар и несколько членов царской семьи Романовых, волей судьбы оказавшихся в принадлежащем одному из них крымском дворце «Дюльбер». Незвестность и беспокойство о судьбе последнего российского императора и его семьи, ожидание расправы от пришедших к власти большевиков, бытовые неудобства, переоценка ценностей, семейные тайны, расхождения во взглядах и наконец решение об эмиграции – все это составляет динамичный, интересный и познавательный сюжет драматического произведения.

Андрей Поцелуев

Дюльбер 1918

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

МАРИЯ ФЕДОРОВНА, 70 лет, вдовствующая императрица, мать императора Николая Второго.

ФИЛИПП ЛЬВОВИЧ ЗАДОРОВИЧ, 40 лет, комиссар Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ (САНДРО), 51 год, внук императора Николая I, двоюродный дядя Николая II.

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, 42 года, его супруга, старшая дочь Марии Федоровны, сестра императора Николая II.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ, 54 года, генерал-лейтенант, внук императора Николая I, хозяин дворца «Дюльбер».

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МИЛИЦА ЧЕРНОГОРСКАЯ, 51 год, его супруга.

ФЕЛИКС ФЕЛИКСОВИЧ ЮСУПОВ, граф Сумароков-Эльстон, 30 лет.

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЮСУПОВА, 22 года,

его супруга, дочь великого князя Александра Михайловича и Великой княгини Ксении Александровны, племянница императора Николая II.

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА, 35 лет, младшая дочь Марии Федоровны, сестра императора Николая II.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КУЛИКОВСКИЙ, 36 лет, полковник, ее супруг.

ВЛАДИМИР ЕФИМОВИЧ ДРАЧУК, 21 год, комиссар Ялтинского Совета военных и рабочих депутатов.

СТЕПАН, 25 лет, матрос Севастопольского Совета.

ВАСИЛИЙ, 20 лет, красноармеец Ялтинского Совета.

ШАХОВСКАЯ ЛЮДМИЛА, 27 лет, арестованная.

БЕРТОЛЬД, 45 лет, полковник германской армии.

РОБСОН, 30 лет, капитан британского флота.

Солдаты, матросы.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ: Крым, дворец «Дюльбер».

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ: февраль 1918 – апрель 1919 г.

Пьеса основана на реальных событиях.

Действие первое

Картина первая

Февраль, 1918 год. Дворец «Дюльбер» в Крыму. Большая

столовая с колоннами, в центре которой накрыт для обеда стол. В красном углу комнаты несколько икон. Женщины одеты в длинные строгие платья, мужчины (кроме Юсупова) – в кители без погон. Все присутствующие молятся. Первая перед иконами – Мария Федоровна.

ВСЕ (*молятся вслух и смотрят в сторону икон*).

Отче наш, Иже еси на небесех!

Да святится имя твое,

Да приидет царствие твое,

Да будет воля твоя,

Яко на небеси и на земли.

Хлеб наш насущный даждь нам днесь;

И остави нам долги наша,

Якоже и мы оставляем должником нашим;

И не введи нас во искушение,

Но избави нас от лукаваго!

Крестятся. Мария Федоровна поворачивается и обращается ко всем.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Благодарю вас, господа. Господь близко. Не будем никогда забывать об этом и не будем унывать. В нем наша сила, наша крепкая надежда и духовное утешение во всех обстоятельствах жизни. В час тяжелых испытаний нашего Отечества нам важно подтверждать вер-

ность своему христианскому призванию и являть друг другу любовь. Я всю жизнь живу по законам веры в Бога и верю в Божий промысел. Это все Божья милость, что будущее скрыто от нас и мы не знаем заранее о предстоящих несчастьях и испытаниях. Можем наслаждаться настоящим и радоваться, что мы все вместе и живы. Теперь давайте обедать.

Все садятся за стол. Ольга Александровна разливает по тарелкам суп.

ФЕЛИКС (*с интересом разглядывая тарелку.*) Интересно, и что у нас сегодня на обед; так, суп из чечевицы.

ИРИНА. Спасибо нашему повару Федору Дмитриевичу. Он суп из топора может сделать.

ФЕЛИКС. А основное блюдо – шницель по-венски из морковного пюре и капусты. Помнится, мы всю прошлую неделю ели осятину, а перед этим козлятину.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ (*обращаясь к Марии Федоровне*). Вот вы, государыня, только что изволили сказать, что у нас еще все испытания впереди. Это, конечно, настораживает. Впрочем, настоящее тоже не в радость. Крым, разумеется, не Сибирь, но неприятен сам момент перехода от лучшего к худшему. Самое трудное испытание для благополучного человека – это внезапное неблагополучие.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. В Евангелии от Матфея сказано: «Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день

сам будет заботиться о своем. Довольно для каждого дня своей заботы».

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Да, господа, наша размеренная и почти курортная жизнь резко изменилась после большевистского переворота. Положение стало чрезвычайно опасным в условиях революционного хаоса. Мы оказались, так сказать, в ненужном месте в ненужное время.

КУЛИКОВСКИЙ. А вы, Петр Николаевич, предпочли бы сейчас быть в Петрограде, где вас сразу бы расстреляли революционные массы. То, что мы сейчас в Крыму, возможно, спасло нам жизнь.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Эта революция оказалась совершенно неожиданной для всех нас. Да мы и к февральской отнеслись с удивительным легкомыслием, как к какой-то пустяшной авантюре. И вот наш государь отрекся от престола. Зачем? Мы были просто шокированы той легкостью, с которой он это сделал. Как будто передал эскадрон гусар.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. А что оставалось делать, когда ему все изменили и струсил? Ни один из вас не поднялся на защиту священной особы и не представил своих полков. Все эти придворные, высшие офицеры и сановники разбежались, как крысы с корабля. А между тем их долгом было пожертвовать собой для их спасения или по крайней мере не покидать их в великом несчастье.

ФЕЛИКС. Насколько я помню, отречение царя привет-

ствовали все сословия российского общества, включая дворянство и духовенство. Ники оказался политически одиноким. Семейное опять оказалось выше государственного.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Вера в Бога и свой долг царского служения были основой всех взглядов императора. Он считал, что ответственность за судьбы России лежит на нем, что он отвечает за них перед Богом. Он принес жертву во имя спасения своей страны.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. И все-таки отречение от власти я считаю невероятным безрассудством. Романовы сразу потеряли все; положение в обществе, должности, почет, уважение. Более того, мы оказались в заточении в Крыму, а Ники вообще в Сибири.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Государь – единственный судья своим поступкам. Вся власть от Бога, а всякая конституция от дьявола. Мой бедный Ники, может быть, и совершал ошибки, но говорить, что он враг своего народа, – никогда.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Грехи других судить вы так усердно рветесь, начните со своих и до чужих не доберетесь.

ФЕЛИКС. Да, старая русская идиллия не состоялась. Добрый царь среди возлюбленного им народа. А десерта сегодня нет?

ИРИНА. Сегодня обед без десерта.

Пауза. Все продолжают обедать.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Господа, а кто же нас будет теперь охранять? Наш прежний охранник прапорщик Жоржелиани куда-то пропал.

МИЛИЦА. А зачем нас охранять? Мы же не представляем никакой угрозы.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Ошибаетесь, Милица. Мы в один миг превратились во врагов революции и русского народа. Романовы всегда угроза для любой новой власти.

Слышны голоса людей и звук подъезжающего автомобиля. Резко открывается дверь, и в комнату входят вооруженные до зубов Задорожный со Степаном. Задорожный – здоровенный детина огромного роста. Оба в форме матросов. У Степана на ремне висит несколько гранат.

ЗАДОРΟЖНЫЙ (*обводит взглядом всех в комнате*). Я получил приказ Советского правительства взять в руки управление всем этим районом. Меня звать Задорожный Филипп Львович. Я комиссар Севастопольского Совета. Со мной матрос Степан с броненосца «Иоанн Златоуст». Прошу всех присутствующих представиться.

Встает Петр Николаевич.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Я великий князь Петр Николае-

вич Романов, генерал-лейтенант. Хозяин дворца «Дюльбер».

СТЕПАН (*грубо.*) А у нас теперь великих князей нет. Все товарищи.

Задорожный подходит к Александру Михайловичу. Тот встает.

ЗАДОРΟЖНЫЙ. Я вас знаю. Вы бывший великий князь Александр Михайлович Романов. Неужели вы меня не помните? Я служил в одна тысяча девятьсот шестнадцатом году в вашей авиационной школе.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Почему же бывший. Я и есть великий князь Александр Михайлович. Под моим началом служило более тысячи авиаторов. Я не могу вас вспомнить. Но я скорее моряк, чем летчик. Я закончил морское училище и совершил кругосветное путешествие.

Задорожный отходит и вопросительно смотрит на других мужчин. Они все встали.

КУЛИКОВСКИЙ. Полковник Куликовский, Николай Александрович. Честь имею.

ЗАДОРΟЖНЫЙ. Где воевали?

КУЛИКОВСКИЙ. В Первую мировую на Западном фронте, под командованием генерала Жилинского. Награжден «Георгием».

ЗАДОРОВЖНЫЙ. Не знаю такого генерала. (*Обращается к Юсупову.*) Вы?

ФЕЛИКС (*с гордостью.*) Феликс Феликсович Юсупов, граф Сумароков-Эльстон.

СТЕПАН. Опять граф. Ты теперь будешь товарищ Юсупов.

ЗАДОРОВЖНЫЙ. Какой Юсупов. Это который к Распутину руку приложил?

ФЕЛИКС. Ну да...

Задорожный уходит от Юсупова.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА (*спокойным голосом.*) Надеюсь, дамы могут представиться, не вставая?

ЗАДОРОВЖНЫЙ. Хорошо. Только давайте без великих.

Все дамы сидят.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Княгиня Ксения Александровна. Супруга Александра Михайловича.

МИЛИЦА. Княгиня Милица... из Черногории. Супруга Петра Николаевича.

ИРИНА. Ирина Александровна Юсупова. Супруга Феликса Феликсовича Юсупова.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Княгиня Ольга Александровна. Супруга полковника Куликовского Николая Алек-

сандровича.

Пауза.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Мне тоже представиться?

ЗАДОРОЖНЫЙ. Нет, вас я знаю. Вы вдовствующая императрица Мария Федоровна. Супруга покойного императора Александра Третьего, мать бывшего царя Николая Второго.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Именно так.

ЗАДОРОЖНЫЙ. Итак, товарищи Романовы. Теперь охранять вас будем я и мой отряд.

Всех буду звать по именам. Без титулов и отчеств. (*Обводит всех взглядом.*) А то вас больно много, всех не запомнишь. Только вдовствующую императрицу буду звать по имени и отчеству. Меня можете звать товарищ Задорожный или комиссар Задорожный. Все понятно?

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Да уж куда понятней.

ЗАДОРОЖНЫЙ. По стратегическим соображениям все присутствующие должны находиться в одном имении – «Дюльбере».

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Позвольте, зачем всем надо быть в «Дюльбере»? У меня свое имение «Ай-Тодор». Разве ожидается турецкий десант?

ФЕЛИКС. А мы живем на вилле «Сосновая роща». Мы хотели бы находиться там.

ЗАДОРОЖНЫЙ (*грубо обращается к Феликсу*). Слышь, Феликс, я, кажется, ясно сказал, чтобы все были здесь, в «Дюльбере». Даю один день на переезд. Я отвечаю теперь за вашу безопасность, и в одном месте это сделать гораздо легче, чем в нескольких.

СТЕПАН. Вам же сказали, по стратегическим соображениям. Чего тут обсуждать.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ (*успокаивающим голосом*). Ничего, господа, все нормально. Мы все разместимся. Мы с Милицей и детьми будем жить на нижних этажах, а гости на верхних. Места всем хватит, переезжайте.

ЗАДОРОЖНЫЙ. Значит, так; посещение гостей запрещаю. За пределы имения никому, кроме повара и обслуги, не выходить. Автомобили конфискую. По телефону можно общаться только с постом охраны, в город линия будет перекрыта. Вся корреспонденция будет мною контролироваться. Надеюсь, оружия у вас нет.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Какое оружие, вы шутите. Его отобрали еще при Временном правительстве.

КУЛИКОВСКИЙ. Товарищ (*на секунду задумывается*) ... Задорожный. У нас к вам просьба. Мы не получаем никаких известий извне. Газеты нам не доставляют. Можно это как-то исправить?

ЗАДОРОЖНЫЙ. Хорошо, я распоряжусь. Будут вам большевистские газеты. Будете узнавать о победной поступи Советской власти.

*Задорожный и Степан громко уходят.
Пауза.*

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Человекообразная обезьяна в морской форме с длинными руками.

ИРИНА (*передразнивая Задорожного.*) «Товарищи Романовы». Огромный человек с неотесанным лицом.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Но когда он улыбался, его лицо становилось приятным, и речь у него довольно образованного человека.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Но все равно общается он грубо. И он разве улыбался?

ФЕЛИКС. А у него лицо деформировано временем, поэтому и кажется, что он иногда улыбается.

МИЛИЦА. А эти морячки забавно одеты, вернее, вооружены. Прямо увешаны оружием. Всюду у них что-нибудь висит или торчит.

Картина вторая

Штаб Ялтинского Совета военных и рабочих депутатов. Вся комната увешана красными флагами. В центре плакат «Вся власть Советам». На двери табличка «Начальник отдела по борьбе с контрреволюцией Исполкома Ялтинского Совета. Член партии большевиков, комиссар Драчук В. Е.».

В углу топится печка. Керосиновый фонарь у входа. За окнами иногда слышится стук лошадиных копыт. Драчук В. Е. сидит за письменным столом и что-то пишет на бумаге. Рядом стол с телеграфным аппаратом.

Вбегают красноармеец Василий. Он в шинели и буденовке. За спиной винтовка.

ВАСИЛИЙ (громко.) Товарищ комиссар. А что с пленными будем делать?

ДРАЧУК (не отрываясь от бумаги.) С какими такими пленными?

ВАСИЛИЙ. Ну которых вчера арестовали в Алупке и Симеизе. Тридцать два человека.

ДРАЧУК (поднимая голову от бумаг). А, эти... Расстрелять. Это наши классовые враги.

Мы должны убрать всех явных и тайных контрреволюционеров, которые стараются помешать нам на пути к завоеваниям революции. Истребить этих буржуев без суда и следствия.

ВАСИЛИЙ. Ну, там это... женщины есть.

ДРАЧУК (с интересом.) А молодые есть?

ВАСИЛИЙ. Есть и молодые.

ДРАЧУК. Ну-ка давай одну молодуху посмазливей сюда приведи.

Василий уходит и возвращается с молодой красивой женщиной. Она в старом платье, волосы распущены, выглядит

очень изможденной. Драчук ходит кругами вокруг нее.

Как звать?

ШАХОВСКАЯ. Шаховская... Людмила.

ДРАЧУК. Из какого сословия?

ШАХОВСКАЯ. Мы из дворян, муж врачом был.

ДРАЧУК. Значит, враги трудового народа.

ШАХОВСКАЯ. Какие мы враги? Муж всю жизнь лечил крестьянских детей, а я в Первую мировую была сестрой милосердия и ухаживала за ранеными. Дайте лучше поесть. Два дня без еды в сарае держите.

ДРАЧУК (*подходит к столу, берет кусок хлеба и кидает к ее ногам*). На, ешь.

ШАХОВСКАЯ (*гордо*.) Я вам не собака с пола есть.

ВАСИЛИЙ. При обыске в их доме они с мужем драгоценности-то запрятали в камин. Еле нашли. Муж ее при обыске оказал сопротивление. Пришлось сразу эту сволочь пристрелить.

ШАХОВСКАЯ (*твердо, с ненавистью*.) Ненавижу вас. Вы принесли в наш дом несчастье. Вы разрушили нашу жизнь.

ДРАЧУК. Это вы, дворяне и буржуи, попили кровушки трудового народа. Теперь мы вас будем судить по законам военного времени.

ШАХОВСКАЯ. Я знаю ваш суд, большевики – это исчадие ада, у вас только одно право – убивать без суда и след-

СТВИЯ.

ВАСИЛИЙ. Замолчи, сука.

ДРАЧУК. Невежливо ты с нами, Шаховская, ой невежливо.

Он подходит к Шаховской и разрывает на ней платье. Она остается практически голой.

ШАХОВСКАЯ (*прикрывая голое тело руками.*) Что вы делаете? Да как вы смеете?

Умоляю вас, перестаньте.

Драчук со всей силой дает ей пощечину. Потом еще одну.

ДРАЧУК. Смею по праву сильного. Что хочу, то и сделаю сейчас с тобой. Ну-ка на колени.

Шаховская опускается на колени. Она плачет, по ее лицу текут слезы.

ВАСИЛИЙ. Товарищ Драчук. Может, не надо. Жалко бабу.

ДРАЧУК. Ты, Вася, жалость к врагам Советской власти не проявляй. Мы должны без колебаний идти за партией, которая борется за полное раскрепощение трудящихся. И кто нам мешает – будут уничтожены. (*Пауза.*) Ладно, я сегодня

добрый, уведи ее обратно в сарай. Пускай мужики на голую бабу посмотрят перед расстрелом.

Василий уводит Шаховскую и через минуту возвращается.

ДРАЧУК. Ты вот что, давай садись и будешь передавать сообщение по телеграфу на места. Ты, кажется, в этом деле разумеешь.

ВАСИЛИЙ. А как же, товарищ Драчук, три месяца на курсах телеграфистов учился.

Василий снимает шинель, буденовку и садится за стол с телеграфом.

ДРАЧУК. Мы тут вчера с товарищами из Совета воззвание составили. Будешь передавать.

Он начинает ходить по комнате и читать напечатанное воззвание. Василий стучит по телеграфу.

Так, значит. Граждане. Смутное время окончилось. После долгой борьбы революция одержала полную победу. Отныне вся власть перешла к Совету военных и рабочих депутатов. Совет берет на себя руководство всей жизнью Ялты и уезда. Большие задачи встают перед нами.

ВАСИЛИЙ. Товарищи.

ДРАЧУК. Что товарищи?

ВАСИЛИЙ. Вот здесь надо добавить – товарищи.

ДРАЧУК. Ну хорошо, давай стучи. Большие задачи встают перед нами, товарищи.

Драчук продолжает диктовать. Василий передает по телетайпу.

Измученное, изголодавшееся и разоренное население жаждет мира и хлеба. Совет берет на себя задачу восстановить полный порядок в городе. Он приступает к улучшению продовольственного дела. Возьмется за реформы, направленные на улучшение жизни трудящихся. Трудовой народ, кровью добывший свою свободу, имеет право на долю счастья.

Обращается к Василию.

ДРАЧУК. Успеваешь?

ВАСИЛИЙ. Да, все нормально.

ДРАЧУК (*продолжая*). Сознвая громадность стоящих перед нами задач, Совет призывает всю Ялтинскую демократию отдать все свои силы на помощь Совету в тяжелой борьбе.

Пусть каждый из вас стоит на страже Советской власти.

В городе должен быть полный порядок. Все приказы Совета должны исполняться без всякого промедления под страхом революционной кары. Совет не потерпит противодействия и не допустит саботажа. Пусть каждый гражданин вернется к мирному труду.

Да здравствует власть Советов. Да здравствует Совет военных и рабочих депутатов. Да здравствует Совет народных комиссаров. Да здравствует товарищ Ленин. Все. Ну, как написано?

ВАСИЛИЙ. Красиво. Складненько так.

ДРАЧУК. Да, кстати, разошли это воззвание и по другим Советам Крыма. Дело у нас общее.

Драчук садится за стол и протягивает под столом ноги.

Советская власть, Вася, в Крыму надолго. Можно сказать, навсегда. Мы выметем прах царизма, запорошивший Россию. Мы вытряхнем его как пыльный коврик, а потом уже встряхнем целый мир мировой революцией. Вот еще что, надо дать указание всем банкам снять с текущих счетов буржуазии все суммы, превышающие десять тысяч рублей, и перевести на счет Революционного комитета, открытого в народном банке. Я подготовлю приказ. Передай также телефонограмму. Записывай.

Василий пишет текст на бумаге. Драчук диктует.

Всем комиссарам на местах провести обыски в имениях и частных домах, в ходе которых изъять золотые украшения и ценные вещи. Революции нужны средства. Гражданам нельзя появляться на улице после шести вечера, устраивать митинги и собрания на улицах, распространять провокационные и злонамеренные слухи. У кого есть оружие – сдать.

ВАСИЛИЙ. А что, интересно, мы с Романовыми делать будем, которые сейчас в Крыму находятся?

ДРАЧУК. Романовы – это тираны, с которыми надо расправиться. Надо сбросить царскую власть с парохода современности. Их имения в Крыму, такие как «Ай-Тодор», «Сосновая роща», «Дюльбер» и другие, будут национализированы со всем имуществом и инвентарем. Я бы их вообще расстрелял. Ну, это дело времени. Это наши классовые враги.

ВАСИЛИЙ. Главное, товарищ комиссар, – надо убивать офицеров. Как по мне, так существуют две категории офицеров: такие, каких просто надо убивать, и такие, которым перед тем как убить надо отрезать носы.

ДРАЧУК. Я не понял, Василий, какие носы? Почему?

ВАСИЛИЙ. А это имеет свои основания. Вот у нас были офицеры, которые во время учебной стрельбы имели привычку запустить палец в дуло ружья и затем держать его у нашего носа. И если на пальце оказывались следы сажи, нас наказывали. Мол, стрелять надо так, чтобы палец чистый был. Вот у таких офицеров-нюхачей мы и отрезаем носы.

ДРАЧУК. Значит, вы чувствовали себя постоянно обиженными, чтобы мстить офицерам таким страшным способом?

ВАСИЛИЙ. Нет, тогда это никого не обижало, об этом мы и не думали. Но потом мы поняли, что это было оскорблением нашего человеческого достоинства.

Картина третья

Спальня Марии Федоровны. Очень скромная обстановка. Шкаф, письменный стол. За кроватью большая ширма. Около кровати небольшой столик с фотографией Николая Второго. Ночь. Темно. Мария Федоровна еще спит. Раздается шум, и в спальню вбегают возбужденные Ксения Александровна и Александр Михайлович. Оба в халатах. Александр Михайлович с ночной лампой в руках.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Мама, мама. Извините, что так рано. Просыпайтесь.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА (*лежа, в кровати просыпается.*) Что случилось, Ксения? Который час?

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Пять часов утра. Вставайте скорее.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Извините, государыня, что так рано. Я только что видел Задорожного, который направляется к вам. Возможно, это обыск. Может, у вас есть бумаги, которые нужно срочно порвать.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. У меня таких бумаг нет. В основном только письма от членов моей семьи. Их рвать или сжигать я не собираюсь.

Зажигается свет. В спальню входят Задорожный со Степаном. Они вооружены.

ЗАДОРЖНЫЙ. У меня есть указание провести обыск в помещениях дворца. Я смотрю, вы недовольны моим приходом.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА (*сидя на кровати в ночной рубашке.*) Если матросы врываются к пожилой даме в пять часов утра, она, естественно, будет недовольна. Уберите ваши винтовки и дайте мне возможность одеться. Неужели вы боитесь безоружную женщину?

Все отворачиваются. Мария Федоровна в ночной сорочке идет за ширму и там одевается. В это время Степан обшаривает ее разобранную кровать.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ (*Степану*). Что вы делаете, как вам не стыдно?

СТЕПАН. Мало ли, что у вас в матрасе. Мы должны принять меры от контрреволюционной пропаганды.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ (*обращается к Задорожному*). Товарищ Задорожный, предъявите мандат на

обыск. Кто дал санкции на проведение обыска?

ЗАДОРОЖНЫЙ. Так, адмирал Романов. Вы хотите видеть подпись победившего пролетариата? Вот приказ, читайте.

Задорожный достаёт из папки листок бумаги и держит его перед глазами Александра Михайловича. Тот читает документ. Задорожный убирает приказ обратно в папку.

Мария Федоровна выходит из ширмы. На ней длинное черное платье. Обращается к Задорожному.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Так что вам угодно, товарищ Задорожный?

ЗАДОРОЖНЫЙ. Мне угодно провести у вас обыск. Предлагаю самой отдать мне все контрреволюционные документы.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. У меня нет таких документов, и мне нечего вам отдавать.

ЗАДОРОЖНЫЙ. Прошу дать ключи от всех шкафов и ящиков. Мебель мы ломать не собираемся, это народное добро.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. У меня нет ключей. Мы не запираем мебель от наших слуг. Не доверять – не в моем характере, да и не в принципах. Я считаю, что запереть – это оскорблять слуг наших.

СТЕПАН. Ой-ой-ой. Какие мы благородные.

Мария Федоровна гневно смотрит на него.

В это время Задорожный и Степан начинают обыск и открывают все ящики и дверцы в шкафах.

Задорожный достает стопку писем.

ЗАДОРΟЖНЫЙ. Что это за письма? Переписка с противником? Для начала недурно.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. К сожалению, я вас разочарую. Все эти письма от моих английских родственников и, соответственно, на английском языке.

ЗАДОРΟЖНЫЙ. Разберемся. У нас в Совете переводчик есть.

СТЕПАН. Все ваши английские родственники – враги рабочего класса.

Задорожный и Степан продолжают обыск.

СТЕПАН. Ага, а вот и письма на русском языке. Так, переписка с бывшим царем. Это, возможно, заговор против революции.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Посмотрите на даты, все эти письма написаны еще до революции.

ЗАДОРΟЖНЫЙ (*достает из письменного стола несколько писем, обвязанных голубой лентой*). А это что за корреспонденция?

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Прошу вас положить эти письма обратно. Это самое дорогое, что у меня есть. Письма моего покойного Саши ко мне. Личные письма.

ЗАДОРОЖНЫЙ (*немного смущенно.*). Все равно я конфискую эти письма. Товарищи в Совете разберутся.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Вы собираетесь конфисковать мою личную корреспонденцию?

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Надеюсь, личные вещи вы не будете забирать. О личных вещах в приказе ничего не сказано.

ЗАДОРОЖНЫЙ. Так, гражданин Романов. Не встрейте, пожалуйста. Личные письма после просмотра вам будут все возвращены.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*закрыв лицо руками и мотая влево и вправо головой*). Трудно понять, как Господь допускает все эти несправедливости и все плохое, что происходит вокруг.

В это время Степан, осматривая прикроватную тумбочку, смахивает на пол фотографию Николая II, наступает на нее и раздавливает стекло.

Мария Федоровна молча подходит к кровати, поднимает с пола фотографию, отряхивает ее от остатков стекла и прижимает к груди.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА (*обращается к Задорожному*).

За что вы не любите Романовых?

ЗАДОРΟЖНЫЙ. За то, что Романовы триста лет грабили, убивали и насиловали народ. Я презираю эту белую кость. Теперь наступил наш час, и мы вам мстим, мстим жестоко. А вы на нас озлобились? Ну как же, как это чернь осмелилась заявить о своих правах в октябре одна тысяча девятьсот семнадцатого года.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Романовы очень много сделали для России и своего народа.

ЗАДОРΟЖНЫЙ. Романовы – враги революции и русского народа. Мы при царизме всегда жили впроголодь, а работали с утра до вечера.

СТЕПАН. А в Ялте местные монархисты разбросали много листовок с призывом восстановить монархию. Под листовками стоит подпись: «Центральный комитет общества. Вперед, за царя и святую Русь». Не вы ли этот ЦК возглавляете?

Степан садится на письменный стол.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Я не имею к этому никакого отношения.

Задорожный продолжает ходить по комнате. Обращается к Ксении Александровне.

ЗАДОРΟЖНЫЙ. Ну-ка, Ксения, поди сюда.

Ксения Александровна подходит к Задорοжному .

ЗАДОРΟЖНЫЙ. Принеси-ка мне вон ту книгу, что на нижней полке в шкафу стоит.

Ксения Александровна приносит ему книгу. Сверху на книге нарисован крест. Задорοжный начинает ее листать.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Это Библия. Подарок моей матери. Вас не смущает, что она на датском языке?

ЗАДОРΟЖНЫЙ. Это контрреволюционная книга, и такая почтенная женщина, как вы, не должна отравлять себя подобной чепухой. Я ее забираю.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Прошу прощения. У вас в Совете и переводчик с датского есть?

ЗАДОРΟЖНЫЙ. Адмирал Романов. Вы задаете много лишних вопросов.

В это время Степан находит в одной тумбочке шкатулку и приносит ее Задорοжному .

Задорοжный открывает эту шкатулку.

ЗАДОРΟЖНЫЙ (обращается к Марии Федоровне). Это что?

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Вы же видите, это мои драгоценности. Подарки моего супруга Александра Третьего.

ЗАДОРОЖНЫЙ. Именем Советской власти я забираю ваши драгоценности.

Задорожный обращается к Степану.

Степан, мы уходим. Обыск закончен. Все письма складывай в мешок.

ЗАДОРОЖНЫЙ (дает листок Марии Федоровне).
Прошу вас подписать листок об обыске. Так и подпишите: «Бывшая императрица России Мария Федоровна Романова».

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Нет, я подпишу: «Вдова Императора Александра Третьего».

Картина четвертая

Гостиная в дворце «Дюльбер». Большой диван, два кресла. Справа круглый стол и четыре стула. Слева мольберт на ножках, на котором Ирина пишет картину. В глубине комнаты стоит фортепиано. Периодически гаснет свет. Феликс играет на гитаре. Поет цыганский романс.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Опять нет света. Нужно всегда держать наготове свечи.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. А вы хорошо поете, Феликс, и репертуар у вас правильный.

ФЕЛИКС. А я не только цыганские песни пою. Я еще люблю петь французские романсы. Представляете, однажды я почти неделю пел эти романсы на сцене в петербургском кабаре «Аквариум», и меня никто не узнал.

ИРИНА (*обернувшись.*) Это потому что ты пел в женском платье.

ФЕЛИКС. Да, я понял, что в женском платье могу явиться куда угодно, и с этого момента повел двойную жизнь. Днем я гимназист, а вечером элегантная дама. Я любил появляться на публике в женских нарядах.

Феликс продолжает некоторое время играть на гитаре. Потом откладывает ее в сторону.

Да, господа, давно ли все это было. Жили красиво и не заметили, как погибла наша жизнь. Трудно представить, что где-то там была Россия, император, царская семья, дворцы, церкви, парады, казаки, красота отягощенных драгоценностями женщин. Воспоминания о счастливом прошлом возбуждают глубокую грусть в душе.

МИЛИЦА. Вы, Феликс, баловень судьбы, красавец, богаты. Вам и убийство Распутина с рук сошло, подумаешь, послали ненадолго в Курскую губернию. Серьезное наказание.

ФЕЛИКС. Баловень судьбы, говорите. Баловень судьбы

не оказался бы в Крыму в такое время. Как теперь отсюда выбраться, да еще с этим цербером Задорожным.

ИРИНА (*продолжая писать картину.*) Мой муж Феликс привык быть в центре всеобщего внимания и часто добивался этого экстравагантными поступками. Представляете, он в тринадцать лет, гуляя с родителями на Всемирной выставке в Париже, схватил пожарный шланг и начал поливать им прохожих. Ну каково это?

ФЕЛИКС. Да, учась в Англии, в Оксфорде, я был звездой лондонских балов. Мои костюмы были самыми яркими и дорогими.

ИРИНА. Феликс любит жизнь в изысканном беспорядке. Он грешит красотами.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА (*сидя в кресле.*) У вас, Феликс, в одном глазу бог, а в другом черт. Но я все равно вас люблю.

Феликс подходит к Марии Федоровне, встает на колени и целует ей руку.

ФЕЛИКС. И я вас очень люблю, всемилостивейшая государыня.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА (*поднимая с колен Феликса.*) Я уже много раз говорила вам, давайте здесь будем общаться без церемоний. Зовите меня просто Мария Федоровна. А то у нас тут будут сплошные «милостивые государи» и «ваши высочества». Мы все здесь в равном положении пленников.

ФЕЛИКС (*встает и обращается в зал*). Господа, я понял, что такое революция. Это гибель уюта. Какая сейчас польза от благородного происхождения, если нет денег и есть нечего? Я всегда ненавидел бедность, а сейчас сталкиваюсь с ней каждый день.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Мужчины удивительные люди, они не могут переносить малейшие неудобства. У женщин вся жизнь из неудобств.

Феликс подходит к картине, которую пишет Ирина.

ФЕЛИКС (*разглядывая картину.*) Ну и что ты здесь изобразила?

ИРИНА. Это добрые неземные существа.

ФЕЛИКС. Ты на всех картинах пишешь всякие фантастические образы, лица с огромными глазами и странными взорами... Смени тему.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Я вчера получила письмо от Ники. Представляете, в адресе вычеркнуты все мои титулы, и кто-то корявой рукой написал: «Марии Романовой». И письмо, конечно, было вскрыто.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Известно, кто написал. Наш комиссар, товарищ Задорожный.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Тем самым они, по-видимому, надеются нанести мне оскорбление, стараются унижить меня во всем. Впрочем, меня это не волнует, главное, чтобы пись-

ма доходили.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Как там он, в Тобольске? Что пишет?

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Слава Богу, все живы и здоровы. С ними не общаются. Еды мало, им немного помогают монашки, которые приносят молоко и яйца. Пишет, что для него ночь – лучшая часть суток, по крайней мере, забываешь на время обо всех этих ужасах.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Можно ли было себе представить, что все это произойдет в России. И что народ так быстро и с такой радостью изменит свое поведение. Кажется, все сошли с ума. Мы совершенно подавлены, все, что происходит, – это так ужасно и страшно, что просто нет слов.

ИРИНА. Бедные, сбитые с толку люди. Что сделалось с нашим несчастным народом? Очнется ли он когда-нибудь?

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Так хочется верить, что найдутся люди, которые выведут Россию из этого ужасного хаоса и тупика. Видеть и осознавать, что Россия гибнет так бесцельно, – это просто невыносимо.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. А почему так получилось? Бедность народа, привилегии дворянства, богатство по праву рождения, паразитическая жизнь элиты – это разве нормально?

Все посмотрели на Ольгу Александровну.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Да, конечно... проблемы были, социальное неравенство, тяжелые условия труда рабочих и крестьян. Но их же можно было решить мирным путем через изменение законов. Зачем же революция? А сейчас? Разрушены жизненные устои, отвергнуты прежние ценности, выходят наружу темные инстинкты толпы.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Ольга, о чем ты говоришь. Большевики отрицают традиционные ценности, религию, духовность, мораль. Все, что всегда преследовалось и осуждалось, вылезло на поверхность и стало преподноситься как норма. Большевики отрицают Бога и душу. И это не программа, это мировоззрение. Народ одурачен революционным беснованием. Богоборчество оборачивается пролитием людской крови.

В комнату вбегают Александр Михайлович и Куликовский. Они выглядят очень взволнованными.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ (*возбужденно.*) Ужасное избиение морских офицеров в Севастополе. Красные вбивают гвозди в плечи пленных офицеров по числу звездочек на погонах, а старшим офицерам вырезают лампы на ногах.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Какой ужас, за что? За то, что эти люди воевали за Россию?

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. И это матросы, невозможно по-

верить, это те самые матросы, которыми мы гордились.

КУЛИКОВСКИЙ. Офицеров убивают, жгут, топят, молотками разбивают им головы. На крейсере «Румыния» все арестованные офицеры со связанными руками были выстроены на борту, и один из матросов толкал их в море, где они и утонули. Эта зверская расправа была видна с берега, где стояли жены и дети офицеров. Все они плакали, кричали, молили. Но матросы только смеялись. Ужаснее всего погиб штаб-ротмистр Новицкий. Его, сильно раненного, привели в чувство, связали и бросили в топку «Румынии».

ИРИНА. Это кошмар, перестаньте, прошу вас. Я не могу это слушать. Мне сейчас станет плохо.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Сандро, откуда эти дурные новости?

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Федор ходил за продуктами на рынок. Там все об этом только и говорят.

КУЛИКОВСКИЙ. Он рассказывал, что видел матросов, руки которых были покрыты кольцами и браслетами, а на груди висели колъе из жемчуга и бриллиантов. Многие были накрашены и напудрены. Ему показалось, что он видит адский маскарад.

ФЕЛИКС. Ужасный век. Век организованных и одуроченных масс. Дикая пугачевщина.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Боже, прости им эти грехи. Они не ведают, что творят.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Бог простит. Прощать – это его

ремесло. Пойдемте во двор, господ, после таких новостей хочется подышать свежим воздухом.

Все мужчины и Мария Федоровна уходят. В гостиной остаются Ксения Александровна, Ольга Александровна, Ирина и Милица.

Милица играет на фортепиано.

МИЛИЦА (*продолжая играть, оборачивается к Ольге*). Ольга, я давно хотела у вас спросить. Вы развелись с принцем Ольденбургским и вышли замуж за полковника Куликовского. Зачем?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Мы с принцем разные люди. Совершенно разные по характеру. И я полюбила Куликовского. Он очень достойный и благородный человек. Мы ждали этого брака целых тринадцать лет. Я называю его мой Кукушкин.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Моя сестра нарушила все правила императорского дома и вышла замуж за обыкновенного полковника. Мы с мамой всегда это осуждали. Брак заключается на всю жизнь, и особы царской крови должны заключать браки только с равными.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Благородные люди не всегда счастливы. Ведь счастье женщины – это мужчина, которым она гордится. Господь послал нам с мужем маленько-

го сына – Тихона. Это маленький лучик света, который принес в наши сердца неожиданную радость.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Повторяю, тебе, Ольга, что члены царствующего дома должны вступать в брак с равными по крови. Выйдя замуж за Куликовского ты уже не Романова.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Да, мама не привечает Николая. Не приглашает на семейные встречи, всячески дает понять, что он им не ровня. Но я не обижаюсь. Мое главное желание – делать добро простым людям. Я люблю ходить по избам, беседовать с крестьянами, я даже была в одной крестьянской семье крестной матерью. А к нарядам и драгоценностям я равнодушна.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Хорошо же они тебя отблагодарили, эти простые люди.

ИРИНА. А я вот счастлива вашим счастьем, Ольга.

В это время Милица возбужденно ходит по гостиной.

МИЛИЦА. Я не могу успокоиться. Давайте сейчас узнаем наше будущее.

ИРИНА. А как это?

МИЛИЦА. А проведем сеанс спиритизма.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. И что для этого нужно?

Милица начинает ходить по гостиной. Подходит к круг-

лему столу со стульями.

МИЛИЦА. Так, нужен устойчивый стол, доска для спиритизма и новое блюдце. На блюдце надо начертить стрелку, которая будет указывать на нужные буквы. Доска у меня есть.

Милица достает доску, блюдце и кладет эти предметы на стол. Чертит на блюдце стрелку.

(Обращается к Ольге Александровне). Ольга, откройте форточку, пожалуйста, ведь духу нужно как-то попасть в дом. Медиум буду я. Так, сколько сейчас времени?

Ольга Александровна открывает форточку.

ИРИНА. Уже почти двенадцать часов ночи.

МИЛИЦА. Отлично, сеанс можно проводить не ранее полуночи. Нельзя задавать вопросы про смерть, загробную жизнь и про существование духа. Нужно зажечь свечи и выключить свет.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. А дух кого будем вызывать?

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. А давайте дух папá, Александра Третьего.

МИЛИЦА. Тогда нужна его фотография.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. У меня есть его фотография. Сейчас принесу.

Ксения Александровна уходит.

Ирина зажигает свечи и гасит свет. Ксения Александровна приносит фотографию Александра Третьего, которую ставит на фортепиано.

МИЛИЦА. Так, все садитесь все за стол и приложите ладони на край блюда, не прижимая его к доске.

Женщины рассаживаются вокруг стола и прикладывают ладони к блюду.

ИРИНА. Думаете, у нас получится вызвать дух Александра Третьего?

МИЛИЦА. Надеюсь, получится. Я верую в сверхъестественное. Я изучала труды восточных мистиков, выучила персидский язык и даже написала трактат, за что получила в Париже диплом почетного доктора теологии. Так, вы все молчите. Говорить буду я.

Милица начинает говорить таинственным голосом.

Есть только один священный цветок в пустыне нашей

жизни. Этот цветок – любовь.

Есть одна неизменная звезда среди всех блуждающих звезд. Это звезда – любовь.

Есть только одна надежда в этой бесконечной ночи. Это надежда – любовь.

Дух Александра Третьего Романова, приди.

Повторяйте за мной три раза.

ВСЕ ЖЕНЩИНЫ. Дух Александра Третьего, приди, дух Александра Третьего, приди, дух Александра Третьего, приди.

МИЛИЦА. Вопрос меня терзает все тот же, что скажет дух о нашей судьбе, что ждет нас, что спасет нас, скажи, святой царь.

В это время зажигается свет, и в гостиную входят Александр Михайлович и Феликс.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Чем вы тут занимаетесь? Прекратите немедленно!

Ксения, как это понимать? У вас что, сеанс спиритизма?

ФЕЛИКС. Ага, опять эта гадалка. Думаете, я забыл, что это вы, Милица, привезли в Петербург доктора месье Воше, этого колдуна и шарлатана, и познакомили его с государыней Александрой Федоровной. И Распутина вы тоже в Петербург затащили. И после вас государыня стала водить дружбу со

всякими колдунами и гадалками. Вы только хорошо на фортепиано играете.

Женщины выглядят растерянными.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Вы, Милица, как встретите, как вы говорите, «замечательного человека», так сразу везете его в Императорский дворец. Я вам заявляю, что спиритизм – это хуже всякого опиума или эфира. Сначала думаешь, что все это вроде ничего, но постепенно и незаметно втягиваешься и уже без этого жить не можешь. Вот и Александра Федоровна очень этим увлеклась.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Никакого общения с духом не получилось. Вы помешали. Идемте спать.

Картина пятая

Комната Задорожного во дворце. На вешалке висят бушлаты. Стол, несколько стульев, кожаный диван. На стене висит телефон. У окна стоит пулемет «Максим». Задорожный сидит на диване и бреется. Степан сидит на стуле и чистит маузер.

ЗАДОРОЖНЫЙ (смотрит в зеркало). Бог мой, до чего я страшен. Впрочем, моя мать все равно меня любит. А моя подруга, глядя на мои уши, часто говорила, что люди

с маленькими ушами очень хитрые.

СТЕПАН. А у вас и подружка есть? И где она сейчас?

ЗАДОРΟЖНЫЙ. Жила на моей родине, в Харьковской области. Что с ней сейчас, не знаю.

СТЕПАН. Товарищ комиссар, а почему такое странное название у дворца? «Дюльбер».

ЗАДОРΟЖНЫЙ. «Дюльбер» в переводе с тюркского означает «прекрасный, великолепный».

СТЕПАН. А на входе что написано не по-нашему?

ЗАДОРΟЖНЫЙ. Это на арабском. «Да благословит Аллах вошедшего сюда».

СТЕПАН. Вот и хорошо. Теперь дворец будет принадлежать народу, и эту надпись можно оставить. А кто такой бог?

ЗАДОРΟЖНЫЙ. Незримая сила на небесах.

СТЕПАН. А есть ли он, бог-то?

ЗАДОРΟЖНЫЙ. Коли веришь, есть, а если не веришь, нет. Во что веришь, то и есть. Вот тебя обидели, и это хорошо.

СТЕПАН. А что же здесь хорошего?

ЗАДОРΟЖНЫЙ. Потому что ты можешь простить, можешь иметь радость прощения.

СТЕПАН. А товарищ Ленин говорит, что религия – это опиум для народа.

ЗАДОРΟЖНЫЙ. Человеку вера нужна. Потому что если сохраним веру, то найдем силы и выдержать. Вот сейчас Россия распята, как Христос. И так же воспрянет, как он, но

силой не оружия, а духа.

Степан откладывает маузер и начинает читать газету вслух.

СТЕПАН. Товарищ Троцкий пишет: «Мы истребляем буржуазию как класс. И первый вопрос, который мы должны задать товарищу, – к какому классу он принадлежит. Какого он происхождения, воспитания, образования, профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого, и в этом суть красного террора. Война, как и революция, основана на устрашении». Правильно пишет товарищ Троцкий.

ЗАДОРОЖНЫЙ. А зачем все время проливать кровь? Вот у нас Советская власть в Крыму с января одна тысяча девятьсот восемнадцатого года. Это хорошо? Да, хорошо. Но она проявляется часто в самой жестокой форме, во всех городах льется кровь, свирепствуют банды матросов, идет повальный грабеж. Что же здесь хорошего? Ты хочешь застрелить всех, как собак.

СТЕПАН. Ну товарищ Троцкий же пишет.

ЗАДОРОЖНЫЙ. А у тебя свои мысли-то и своя голова есть? Что ты все чужие мысли говоришь? То этот говорит, то тот говорит. Ты имей мужество пользоваться собственным умом.

СТЕПАН. А что же тогда, товарищ Задорожный, Советская власть?

ЗАДОРΟЖНЫЙ. А я до конца сам не понимаю. Будем руководствоваться классовым чутьем, революционным сознанием и рабочей совестью.

Слышны ржание лошадей, стук лошадиных копыт и звук подъезжающих подвод. Голоса людей все громче. Раздаются крики: «Эй, Задорожный, выходи! Открывай ворота». Задорожный выглядывает в окно.

Да что там такое? Никуда выходить я не буду.

Звонит по телефону.

Охрана, что у вас там происходит? Кто приехал? Начальник отдела по борьбе с контрреволюцией Ялтинского Совета товарищ Драчук? Гоните его в шею.

Задорожный кладет трубку и садится на диван. Раздается звонок телефона. Задорожный снова берет трубку.

Что? Хочет поговорить? Ну ладно, пропустите его и с ним одного солдата. Только пусть оружие оставят на посту охраны. И без глупостей, общите там их тщательно.

Входят Драчук и Василий. Оба в длинных пальто. На голове Драчука меховая шапка-нансенка, придающая ему

еще более свирепый вид. У Василия на шее повязан длинный шарф. Оба с сигаретами во рту.

ЗАДОРΟЖНЫЙ. Что за маскарад, товарищ Драчук? Вы чего не по форме одеты?

ДРАЧУК (*агрессивно.*) Не ваше дело, товарищ Задорожный.

ВАСИЛИЙ. Вы нам зубы тут не заговаривайте.

ЗАДОРΟЖНЫЙ. Что вам надо?

ДРАЧУК. У меня предписание произвести обыск в имении. У вас укрывается генерал Орлов, который подавил революционное движение в Эстонии в одна тысяча девятьсот седьмом году.

ЗАДОРΟЖНЫЙ. Это полная чушь. В соседнем имении проживает князь Орлов, а не генерал Орлов. И по своему возрасту он никак не мог быть генералом в одна тысяча девятьсот седьмом году. Убирайтесь вон.

ДРАЧУК. Ну мы еще разберемся, какой это Орлов. Товарищ Задорожный, хватит болтать, Ялтинский Совет предъявляет свои права на Романовых, которых Севастопольский Совет держит за собой незаконно. Мы даем пять минут на размышление. Иначе будем стрелять.

ЗАДОРΟЖНЫЙ. К черту Ялтинский Совет. Предлагаю уйти по-доброму, а то я дам вам отведать сева­стопольского свинца. Ялтинский Совет состоит из налетчиков, объявивших себя коммунистами. А правительство большевиков осу-

ществляет власть над Крымом через Севастопольский Совет.

Степан направил винтовку на Драчука с Василием.

СТЕПАН. Сказано вам – пошли отсюда.

ВАСИЛИЙ. Вы изменяете рабоче-крестьянскому делу.

ДРАЧУК. Ялтинский Совет доложит о вашей контрреволюционной деятельности товарищу Ленину. Мы не советуем шутить с правительством рабочего класса.

ЗАДОРОЖНЫЙ. А вы покажите мне ордер на арест заключенных, подписанный товарищем Лениным. То-то, нет его. И не говорите мне о рабочем классе. Я старый большевик и принадлежал к партии еще в то время, когда ты сидел в тюрьме за кражу.

Я не буду принимать никаких решительных мер до получения телеграммы от товарища Ленина.

ВАСИЛИЙ. Они вам дорого заплатили, товарищ Задорожный?

ЗАДОРОЖНЫЙ. Достаточно, чтобы хватило на ваши похороны.

ДРАЧУК. Что вы сделали для революции, товарищ Задорожный?

ЗАДОРОЖНЫЙ. Я перед тобой отчитываться не буду. Партия знает мои заслуги.

ДРАЧУК. Наша задача – превратить Севастополь в рево-

люционный оазис Черноморского побережья. Севастополь должен стать Кронштадтом юга. А вы укрываете Романовых, которые десятки лет пили кровь трудового народа.

ЗАДОРΟЖНЫЙ. А передо мной не агрессивный отряд белых, а царская семья, женщины, дети. Зачем их убивать?

ВАСИЛИЙ. Вы не горите идеей революции, в ваших глазах нет революционного порыва.

ЗАДОРΟЖНЫЙ (*подходит к Василию и смотрит в глаза.*) А я в твоих глазах вижу следы вчерашней пьянки.

ДРАЧУК (*подходит к Степану*). А ты, браток, тоже своего комиссара поддерживаешь? А как же борьба с контрреволюцией, чувство пролетарской справедливости?

СТЕПАН. Вам же сказали – убирайтесь, и дело с концом.

Степан еще ближе приставляет винтовку к груди Драчука.

Задорожный подходит к пулемету и поворачивает его на Драчука с Василием.

ЗАДОРΟЖНЫЙ. Так, вы мне надоели. Даю одну минуту – и буду стрелять.

Он взводит курок на пулемете.

ДРАЧУК. Хорошо, мы уходим. Пошли, Василий. Но вы еще пожалеете об этом, товарищ Задорожный. Мы очень

скоро вернемся, и вам с Романовыми несдобровать. Учтите, мы не остановимся ни перед какими средствами для того, чтобы довести дело революции до победного конца.

Драчук и Василий уходят.

Конец первого действия. Занавес.

Действие второе

Картина первая

Прошло полгода. Поздний вечер, в комнате полумрак. За окном видны отблески грозы и слышен шум шторма. Игрет тревожная музыка. В гостиной мирно беседуют узницы замка «Дюльбер».

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Это лето очень жаркое, уже его конец, а жара не спадает. И постоянные шторма.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Эти грозы и шторма находятся в соответствии с нашим духовным состоянием.

Мария Федоровна подходит к зеркалу и внимательно смотрит на свое лицо.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Я совсем сделалась старухой от

волнений и тревог. Кожа на лице съежилась, все лицо покрыто морщинами. Меня скоро никто не узнает.

МИЛИЦА. Ну что вы, Мария Федоровна. Мы берем с вас пример. Ваши характер и сила воли поражают.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Вот именно, может, характер и поражает, а лицо удручает.

Она опять садится в кресло.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Давайте пить кофе.

Она разливает всем кофе в чашки.

ИРИНА. Какой-то странный вкус кофе.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Я его сварила из собранных в дубовой роще желудей.

МИЛИЦА. Откуда?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Задорожный принес.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. А вы заметили, что Задорожный стал к нам гораздо лучше относиться? Достаточно вежлив, по пустякам не придирается. В его фанатичной

вере в революцию есть даже что-то притягательное.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. И мне кажется, что он расположен к нам. Он же понимает, что мы никакой опасно-

сти не представляем. Он умный и тактичный человек. Ему удалось

за эти полгода установить свой авторитет.

МИЛИЦА. Может, он тайный монархист, который вначале увлекся революционным движением.

ИРИНА. А вы заметили, как он мило гуляет во дворе с моей дочкой Ириной? Это такая трогательная картина; огромный верзила ведет за ручку трехлетнюю девочку.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Феликс говорит, что он почти подружился с Задорожным. Феликс помогает ему каждый месяц писать отчеты в Севастопольский Совет о поведении Романовых. Пишет, что Романовы ведут себя хорошо. Он также убеждает товарища комиссара охранять нас как можно лучше, так как мы якобы носители государственных тайн.

МИЛИЦА. Наивные разговоры. А я думаю, что достаточно ему получить приказ из Петрограда, и он пристрелит нас с превеликим удовольствием.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Ах, когда же наконец все это пройдет и мы опять сможем жить спокойно, как все приличные люди. У меня, например, страдает чувство чистоплотности. Здесь трудно принять ванну, уже несколько дней вообще нет воды.

МИЛИЦА. Почему в Европе живут хорошо и смирно люди. Каждый знает, что ему делать, исполняет свой долг добросовестно и не делает вреда другим. Это же так просто. А у нас разруха, голод, гражданская война.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Это потому, что люди перестали верить в Бога. Может, за то и расплачивается русский народ, что отказался от Бога. В царствование моего мужа в России было открыто пять тысяч церквей и часовен. И молитва была постоянным спутником нашей жизни. Как бы ни испытывал нас Господь, если сохраним веру и будем молиться, найдем силы выдержать.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Мама, а есть ли новые письма от Ники?

МАРИЯ ФЕДОРОВНА (*вздыхая.*) Мысли о Ники не дают мне покоя. Последнее письмо от него было в апреле этого года. Я нахожусь в подавленном состоянии в ожидании новых бед и несчастий. В последнем письме он рассказывал, что с ними ужасно обращаются. Дом с двух сторон окружен высокими стенами, из-за которых ничего не видно. Кормят плохо.

МИЛИЦА. Я не понимаю, почему он вообще находится в тюрьме? Что плохого он сделал?

ИРИНА. Советы цинично заявляют, что они беспокоятся о его безопасности, так как народ якобы хочет с ним расправиться.

Входит Петр Николаевич.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Ах, как у вас хорошо. Пахнет кофе... Правда, какой-то незнакомый запах. Забываешь об

ужасах гражданской войны. Я пришел сказать, чтобы вы закрывали окна у себя на ночь. Ожидается сильный ветер и дождь. Есть ли новости от Ники?

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Увы, никаких. Как мучительно жить в отсутствие достоверных сведений.

Встает, поворачивается к иконам и крестится.

Боже, спаси моих сыновей, помоги им в тяжелых испытаниях.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Отсутствие новостей – плохой признак.

Пауза. Раскаты грома все сильнее.

Входит Задорожный. У него скорбный вид. Он пытается что-то сказать, но видно, что ему очень трудно говорить.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Задорожный, что случилось? Говорите яснее.

ЗАДОРОЖНЫЙ (*говорит сбивчиво и тихо.*) У меня для вас плохие новости. Севастопольский Совет получил сведения о том, что бывший российский император... бывший российский император... мертв, как, впрочем, и вся его семья.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА (*кричит.*) Что? Повторите

громче.

ЗАДОРΟЖНЫЙ. Их расстреляли в ночь на семнадцатого июля одна тысяча девятьсот восемнадцатого года в Екатеринбурге, в подвале Ипатьевского дома. Погибли все: император Николай Второй, императрица Александра Федоровна, наследник цесаревич Алексей, великие княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. Также убили повара, камердинера, врача и горничную. Всех...

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Это ложь, это чудовищная ложь.

ЗАДОРΟЖНЫЙ. К сожалению, это правда.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА (*сдерживая слезы.*) Главная обязанность человека, Задорожный, быть честным. Лгать скверно и грешно. У вас приступ дурной лжи.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Это ложь.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Ложь.

ИРИНА. Ложь.

Задорожный, чувствуя себя здесь лишним, уходит.

Мария Федоровна в возбуждении ходит по комнате.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Нет, нет. Я никогда не поверю в смерть Ники. Никогда. Последний раз, когда я его видела, я застала сына внешне спокойным, но глубоко проникнутым сознанием ответственности момента... а дети, мои внучки и

внук. За что их расстреляли? Чем они виноваты?

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Очевидно, большевики не хотят оставлять белым живых символов... Боюсь, что расстрел царской семьи – правда. За это время мы слишком хорошо изучили большевиков, чтобы поверить в чудесное спасение государя.

МИЛИЦА. А если это все-таки слухи, и они живы?

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. К сожалению, есть косвенные доказательства убийства Ники. Я обратил внимание, что в одной большевистской газете несколько дней назад стали печатать отрывки из его дневников. Из этого можно сделать вывод, что дневники бывшего императора попали в чужие руки.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Почему же вы молчали?

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Я подумал, что эти дневники – выдумка, плод нездоровой фантазии.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Если это правда – это грязное убийство. Я любила Ники, добрейшего из людей, настоящего джентльмена, любившего свою страну и свой народ.

ИРИНА. В это невозможно поверить.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Вряд ли тогда Задорожный сообщил бы нам эту грустную новость. Очевидно, он получил телеграмму из Петрограда.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Не могу и не хочу в это верить.

Я просто не могу это вынести.

Сколько низко могут пасть люди, которые отвергли христианские заповеди, возлюбившие грех, утратившие человечность, вкусившие дурман лже-идеи.

Говорит твердо и уверенно.

Я не верю в смерть моего сына и верю в его чудесное спасение. И запрещаю служить панихиду по нему во всех церквях Крыма.

Картина вторая

В гостиной офицеры курят и играют в карты. Феликс играет на гитаре.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. А я вот валетиком покрою. Так, а теперь извольте дамочку принять... Позвольте, позвольте, у меня еще туз есть. Все, я выиграл.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. С вами, Сандро, невозможно играть. Вам везет. Вы всегда выигрываете.

КУЛИКОВСКИЙ. Да уж... пятая партия подряд.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Это, господа, не везение, а умение. Хорошая карта идет к хорошему игроку.

Петр Николаевич встает, идет к другому столику, где стоит графин с водкой, наливает полстакана и выпивает

залпом. Потом отходит от стола на несколько шагов и, передумав, возвращается. Наливает еще полстакана и опять выпивает залпом. После этого садится в кресло и начинает читать газету.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. А ты, Петр Николаевич, стал много пить. Думаешь, так забудешь тяготы нашей жизни. Дудки.

КУЛИКОВСКИЙ. Ну и что пишут в газетах?

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ (*не отрываясь от газеты.*). Пишут о победах большевиков на всех фронтах. Ну и длинные столбы с речами Ленина, и Троцкого. (*Пауза. Откладывает газету.*) Нет, ну какое было преступление со стороны Временного правительства допустить Ленина и компанию в Россию. Да еще дали возможность проникнуть в армию. Ленин – это немецкий шпион, а большевики – немецкие агенты. Гражданская война – это самое страшное, что может быть в России. Русские убивают русских. Как остановить это безумие?

КУЛИКОВСКИЙ. Я очень надеюсь на офицерство, ведь они претерпели немало унижений от революционных солдат и матросов. Но офицеры воевать не желают. По разным причинам. Кто-то устал от войны, кто-то не хочет оставлять семью и ехать в неизвестность, кто-то просто ни во что не верит.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ (*вскакивает со стула*

и ходит по комнате.) Знаете, почему мы проигрываем на фронтах большевикам? А потому, что мы живем схемами и мифами. У нас, видите ли, жесткое представление о том, что как должно быть устроено. Свобода, образование, законность, парламентаризм, честный суд, равенство прав, свобода собраний, неприкосновенность личности, верховенство закона, восьмичасовой рабочий день. Что там еще? Думали, объявим народу эти лозунги, и жизнь наладится сама собой. А вот и нет. У большевиков лозунги простые: власть Советам, мир народам, земля крестьянам, фабрики рабочим, немедленное прекращение войны. Такое правами человека не перебьешь.

ФЕЛИКС. Большевики побеждают потому, что они не интеллигенты. По кабинетам не сидят. А прямо взялись за крестьян и рабочих, пошли в казармы и на заводы.

КУЛИКОВСКИЙ. Большевики берут активностью, инициативой и волевым устремлением. Гражданская война – война особая. Здесь, кроме пушек и пулеметов, нужно еще кое-что. Какая-то энергетика, решимость, бесноватость, что ли, способная повести массы за собой. Этого волевого стремления в белой армии нет.

Александр Михайлович подходит к Куликовскому .

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Вас забыли спросить, господин полковник, как нам побеждать. Вы бы помолчали,

без ваших советов разберемся. Не учите воевать генералов.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. А я согласен с Николаем Александровичем. Гражданская война не сводится только к военным действиям. Главная причина победы большевиков заключается в том, что во главе белых стоят военные, а во главе красных – политики. Это война идеологий, которую красные пока выигрывают.

ФЕЛИКС. И кто же спасет Россию? Деникин, Врангель, Колчак?

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Да, пожалуй, барон Врангель лучше соответствует сложившимся обстоятельствам. Он талантливый военачальник, чрезвычайно честолюбив, смел и решителен. И лучше подходит на роль вождя белого движения.

КУЛИКОВСКИЙ. Господа, все они превосходные военачальники. И, наверное, предпочли бы заниматься только военным делом. Но судьба заставляет их быть и политиками. А это новая для них роль.

Феликс берет гитару и поет.

Печальный Врангель,
Дух изгнания,
Витал над Крымскою землей.

ФЕЛИКС. А знаете, господа, что барона Врангеля бук-

важно месяц назад здесь в Крыму чуть не расстреляли?

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Да что вы говорите? Расскажите.

ФЕЛИКС. Ну, все мы знаем барона как любителя светской жизни. Он отличный танцор, организатор вечеров, музыкант, дирижер. Супруга Ольга Ивановна Иваненко, фрейлина императрицы, его безумно любит. Так вот, барон по каким-то делам инкогнито появился в Севастополе. Совершенно случайно вечером его остановил патруль, и кто-то из патрульных его опознал. Врангеля сразу арестовали просто потому, что он барон. Ну как же, классовый враг.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Не томите, Феликс, дальше, дальше.

ФЕЛИКС. Представляете, он несколько дней сидит в ЧК, Ольга Ивановна каким-то образом об этом узнает, срочно приезжает в Севастополь, идет к начальнику ЧК товарищу Вакуле и говорит, что готова разделить участь своего мужа, даже если его хотят расстрелять. Начальник ЧК так был этим тронут, что в этот же день освободил барона.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Откуда эти сведения, кто вам рассказал об этом?

ФЕЛИКС. Комиссар Задорожный. И ему можно верить.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Да, в это время в Крыму случаются удивительные истории.

Картина третья

Гостиная. Вечер. Часы бьют девять раз. Милица играет на фортепиано. Пьют кофе.

ИРИНА (*обращается к Ольге Александровне*). А мы стали привыкать к вкусу вашего кофе из желудей.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Да-да. У тебя получается.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Я играю со вкусом. Пробую добавлять разные травы.

В комнату шумно входят Задорожный со Степаном. Задорожный несет большую сумку с оружием, а Степан качает пулемет.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Вы пришли нас расстрелять, товарищ комиссар? Получили приказ из центра? Давайте хотя бы во дворе, а то в гостиной как-то неудобно.

ЗАДОРОЖНЫЙ. До получения телеграммы из Петрограда никаких мер мною приниматься не будет. У меня есть приказ Севастопольского Совета обеспечить вашу безопасность. Товарищ Ленин считает, что вначале надо провести суд над Романовыми.

МИЛИЦА. И в чем же нас будут обвинять? В угнетении трудового народа?

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Насколько я помню, суда над императором не было. Его со всей семьей просто расстреля-

ли.

ЗАДОРΟЖНЫЙ. Я хочу вам сообщить, что немцы вторглись в Крым, и скоро они будут здесь.

ФЕЛИКС. Задорожный, не говорите глупостей. Немцы находятся в тысяче верст от Крыма.

ЗАДОРΟЖНЫЙ. Вот и нет. Мне удалось сохранить от вас в тайне передвижение немецких войск. Они захватили Киев еще в прошлом месяце и с тех пор делали ежедневно на восток по двадцать-тридцать верст. Они уже в Симферополе.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Так, значит, мы скоро можем выйти на свободу?

ЗАДОРΟЖНЫЙ. Дела обстоят гораздо хуже. Ялтинский Совет хочет вас уничтожить. Товарищ Драчук настаивает на вашем немедленном расстреле. Он боится, что с приходом немцев у вас будет возможность избежать революционного возмездия.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. И что же нам теперь делать?

ЗАДОРΟЖНЫЙ. Защищаться. Я принял решение вооружить вас всех. Мои люди будут оборонять мост на пути к Ялте и въезд в «Дюльбер». Но людей не хватает. Ваша задача – защищать сам «Дюльбер». Вот оружие.

Задорожный высыпает из сумки ружья и револьверы. Степан заряжает в пулемет ленту.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ (*подходит к Задорожному*). Скажите, товарищ Задорожный. Зачем вы нам помогаете? Мы же с вами, так сказать, по разные стороны баррикад.

ЗАДОРОЖНЫЙ. Слушайте, адмирал Романов... Не знаю, поймете вы или нет. Я не хочу быть изувером и садистом. Я против грабежей и самосуда. Я против массового красного террора в Крыму. К пониманию Советской власти нужно прийти путем перемены в сознании (*Пауза.*)

Он подходит к окну и внимательно смотрит в него.

Так, обстановка очень сложная. Севастополь далеко, а Ялта близко. И я просто не успею вызвать подмогу. Я боюсь нападения этой Ялтинской банды. По моим данным, они готовы выслать пять грузовиков с солдатами и спокойно доедут до «Дюльбера» за один час Главное, чтобы они не прислали артиллерию. Я дам команду запрячь лошадей в экипаж, чтобы всегда были наготове. Приготовьте все верхнюю одежду. В случае если будет бить артиллерия мы выведем императрицу через боковые ворота в ближайшее поместье, где она сможет спрятаться в подвале. Но нужно, чтобы Мария Федоровна ничего не знала о нашем плане. Степан, иди еще принеси патроны.

СТЕПАН. Я мигом. Патронов у нас много.

Степан уходит.

ЗАДОРОВЖНЫЙ. Не ложитесь сегодня спать. Нужно организовать ночную сторожевую охрану. Смотрите в оба. Я буду у себя в комнате и в случае тревоги сделаю предупредительный выстрел из своего пистолета. Организацию защиты прошу взять на себя полковника Куликовского.

КУЛИКОВСКИЙ. Я готов.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Послушайте, почему Куликовский? Я вообще-то старше по званию.

ФЕЛИКС. Сандро, это разумно. Вы всей авиацией России командовали, а здесь речь идет об охране одного дворца. Николай Александрович с этим лучше справится.

КУЛИКОВСКИЙ. Петр Николаевич, нужна карта дворца «Дюльбер». Принесите, пожалуйста.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Да, конечно. Сейчас принесу.

Он уходит.

ЗАДОРОВЖНЫЙ. У меня еще есть два прожектора. Но беда в том, что никто не умеет с ними обращаться.

КУЛИКОВСКИЙ. Доверьте это мне. Я хорошо разбираюсь в таких вещах. Я настрою прожекторы на дорогу в Ялту. Доставайте их, я сейчас к вам подойду. И приготовьте мешки с песком, если они, конечно, есть.

Степан приносит два ящика патронов и кладет их на

пол. Степан и Задорожный уходят. Женщины подходят к сумке с оружием и начинают внимательно рассматривать ее содержимое.

Так, прошу всех женщин немедленно покинуть помещение и закрыться в спальне. В случае опасности ни в коем случае не подходите к окнам. Ложитесь на пол.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. А кто вам будет ружья заряжать?

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Как-нибудь сами справимся. Уходите немедленно.

Женщины уходят. Приходит Петр Николаевич с картой. Офицеры раскладывают карту на столе и внимательно на нее смотрят.

КУЛИКОВСКИЙ. Так, на эту ночь посты надо будет выставить здесь, здесь и здесь (*показывает на карте красным карандашом*). В качестве наблюдательного пункта предлагаю выбрать ванную комнату, из окна которой хорошо просматривается дорога на Ялту. Там и пулемет поставим.

ФЕЛИКС. А как же мыться?

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Ничего, граф, в тазике помоетесь.

КУЛИКОВСКИЙ. Сторожевую службу будем нести

двадцать четыре часа, посменно. Эту ночь, как самую опасную, дежурят все.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. А согласитесь, господа, моя вилла «Дюльбер» имеет много преимуществ с военной точки зрения. Во дворце толстые и высокие стены.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Да, мы, признаться, смеялись, когда Петр Николаевич начал ее строить. Глядя на высокие стены, мы высказывали предположение, что он, вероятно, собирается начать жизнь Синея борода.

Все смеются.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. «Дюльбер» – здание столь же удачное, столь и необычное. Это дворец арабский, вернее, сарацинский. Это стиль оригинальный, полный поэтического изящества. Он как будто воссоздан по сказкам Шахерезады.

КУЛИКОВСКИЙ. Полноте восхищаться вашим дворцом, Петр Николаевич. Главное – у него толстые стены. Давайте разбирать оружие. За мной будет пулемет.

Куликовский переносит пулемет в ванную. Уходит к Задорожному. Александр Михайлович и Феликс выбирают оружие. Петр Николаевич отходит в сторону.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. А ты что, Петр Николаевич, в сторонку отошел? Выбирай себе оружие. Вот ре-

вольвер хороший, почти новый.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Не хочу. Я в оружии ничего не понимаю. Я человек миролюбивый. Я на военную службу поступил скорее по традиции, чем по призванию. И оставил ее в связи с болезнью. Я всю жизнь увлекался живописью, искусством, архитектурой. Ты же знаешь.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Слушай, Петр, не глупи. Возьми револьвер.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Я не могу и не хочу. Потому что мне унижительно от высшей природы переходить к низшей, от высшей силы к револьверу. И, кроме того, ты даешь мне револьвер, из которого я не умею стрелять.

Входит Куликовский.

КУЛИКОВСКИЙ. Все, прожекторы готовы. Сейчас включим. Что у вас тут происходит?

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Да вот, Петр Николаевич отказывается стрелять по красным.

КУЛИКОВСКИЙ. Хорошо, будете заряжать оружие. Давайте встанем у окон. Нужно погасить свет. Я к пулемету.

Петр Николаевич выключает свет. Куликовский уходит в ванную. Каждый встает у своего окна. Петр Николаевич начинает разбирать ящики с патронами.

Пауза.

ФЕЛИКС. Интересно, как сейчас поживают мои карлики.

ПЕТР НИКОЛАВИЧ. Какие карлики?

ФЕЛИКС. Как-то я, господа, скучая за шампанским в парижском ресторане «Пале-Рояль», заметил за соседним столом двух карликов. Я подошел с бутылкой к их столику, представился и предложил выпить за французских мужчин, независимо от их роста. Тост был принят, шампанское выпито, и у нас завязался разговор.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. И что же было дальше?

ФЕЛИКС. Они мне сказали, что им решительно нечего делать в Париже и они не знают, чем заняться. И я им предложил поехать со мной в Петроград и работать в местном цирке. Они согласились, мы выпили еще одну бутылку и уже вместе вернулись в Петроград. Благодаря моим связям их приняли по контракту в цирк, и их номер пользовался большим успехом. Где они сейчас, что с ними?

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Наверное, стали маленькими красными большевиками.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Феликс всю жизнь коллекционирует полубезумцев.

ФЕЛИКС. А здесь Библия есть?

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Маленькая есть. Большевики при обыске не забрали.

ФЕЛИКС. А дайте мне ее.

Петр Николаевич берет в шкафу Библию и отдает ее Феликсу.

ФЕЛИКС. Мы в детстве с братом так играли, когда нам было страшно. Открывали ее наугад на любой странице и читали, что готовит нам судьба (*листает книгу.*) Так, открываю. Глава двадцать восемь, стих второй.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Что, что там написано?

ФЕЛИКС. Написано: «И дам ему звезду утреннюю». Вот видите, господа, все будет благополучно. Ночью с нами ничего не случится.

В это время включаются прожекторы. Они ярко освещают местность за окном.

Через несколько секунд раздается громкий выстрел. Сразу за выстрелом слышна беспорядочная стрельба. Из ванной слышен голос Куликовского.

КУЛИКОВСКИЙ. Это отряд Задорожного стреляет. Готовься. Огонь.

Слышен звук подъезжающих автомобилей. Офицеры стреляют из окон. Раздается стрельба из пулемета. За окном крики, голоса солдат. В темноте мелькают лучи про-

эжекторов.

КУЛИКОВСКИЙ (*кричит.*) Кажется, попал в автомобиль, и он врезался в отвесную скалу. А вторая машина перевернулась и свалилась в пропасть. Это работа людей Задорожного. Думаю, что сейчас им будет не до штурма.

*Слышна стрельба, а потом крики: «Отбой!» «Уходим!»
Голоса отдаляются. Пауза.*

В комнату входит Куликовский. Он в растянутом кителе, волосы взъерошены, по лицу струится пот.

КУЛИКОВСКИЙ. Кажется, в этот раз пронесло. Отдыхайте, господа.

В комнату вбегает Степан.

СТЕПАН. Фу... ялтинцы уехали. Все живы? У нас трое ранены.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Да живы, живы. Все хорошо. Я пойду проведу наших дам.

Картина четвертая

Спальня Александра Михайловича и Ксении Александровны. Раннее утро. Александр Михайлович в растянутом кителе сидит в кресле и курит. У него потрепанный вид. Ксения Александровна стоит за ним, положив ему руки на пле-

чи.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА *(нежно.)* Ты мой бесстрашный рыцарь. Защитил нас от этих красных дьяволов. Люблю тебя.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ *(снимает ее руки со своих плеч).* Прошу тебя, Ксения, не надо. Давай без этой сентиментальности.

Ксения отходит от него и садится на стул перед трюмо. Причесывается.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Приход немцев значит для нас спасение. Это радость освобождения, внезапная и неожиданная. Что ты собираешься делать?

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА *(спокойно.)* А что делать? Будем жить здесь дальше. Мы все вместе, и жаловаться на судьбу не стоит. Мы имеем свой дом, с нами наши дети, и ничего лучше нельзя пожелать. Бог даст, и большевиков скоро скинут.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Немцы, скорее всего, предложат переехать в Германию. Я думаю, надо ехать. Непонятно, что будет с Россией дальше. Мы сейчас как лодка, плывущая по морю без руля и парусов.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА *(оборачивается на стуле.)* Что ты так нервничаешь? Бери пример с мамы. Она всегда подает нам пример скромности и простоты. На свое вы-

сокое положение она смотрит смиренными глазами. Ей чужды славолюбие и ничтожная суета.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Ну что мама, мама. Она уже дама в возрасте и свое пожила. А мы еще люди молодые. Надо думать о своем будущем. Во всяком случае, пока здесь, в России, я его не вижу.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. А как же Петр? Милица?

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Петр милый малый, но весьма ограниченный и с точки зрения деловой совершенно ничтожный. Милица – шарлатанка. Я ей не доверяю.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Как ты можешь так отзывать о людях? А как же наша дочь Ирина? Если она не захочет уезжать в Германию?

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Ну, как я понимаю, никакой близости между тобой и Ириной нет. Ирина предпочитает одиночество. А внучке уже три года. Они с Феликсом сами решат, ехать или нет. Поедем вдвоем.

Александр Михайлович встает и начинает ходить по комнате.

Ты знаешь, а Куликовский молодец. Проявил себя героически. Ведь это он из пулемета в машину попал.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Ну вот видишь, а мы все над ним подтруниваем.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Ну, у нас к нему, в общем-то, одна претензия. Он не ровня Ольге Александровне и не должен был жениться на ней.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Ну, Ольга, допустим, сама начала этот роман и виновата в этой связи гораздо больше.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Может, и виновата. Но они теперь счастливы. *(Пауза.)* В отличие от нас.

Ксения Александровна оборачивается к супругу.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Скажи честно, сколько раз ты мне изменял?

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Ты предпочитаешь ужасную правду или приятную ложь?

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА *(поворачивается опять к зеркалу.)* Я так и знала. В последний раз это, видимо, та женщина, с которой ты познакомился на курорте Биаритц в прошлом году? Кто она?

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Боже мой, какой Биаритц? Какая женщина? Спустись на землю. Нас в любой момент могут расстрелять. Надо бежать отсюда.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Я никуда не поеду и останусь с мамой.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Тогда я уеду один.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. А ты помнишь, что у

нас семеро детей?

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Я тебе несколько раз предлагал развестись, но ты всегда отвечала мне отказом.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Потому что люблю тебя.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Число минусов в нашем брачном союзе явно превышает число плюсов. Вспоминаю, что мне дал брак? Ничего, а страданий бездна.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Зачем же ты тогда женился на мне?

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Ну, женитьба у нас обязательное условие приличия. Нет, я чувствую, что надо уезжать.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. У людей, кроме чувств, есть долг. Вот так, Саша, многие годы супружества и постоянные измены мужа в конце жизни. Спасибо, дорогой.

Александр Михайлович нервно ходит по комнате.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Не знаю, правда, как ты будешь жить одна. Без моей поддержки, без участия.

Встает перед ней на колени.

Прости, прости. Давай оставим все как есть, хотя бы ради детей. Вся вина на мне, а добродетель на твоей стороне. Ты

проявила себя как великая женщина. Прости.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Уходи, я не хочу тебя видеть.

Картина пятая

Гостиная. Часы бьют три раза. В окна пробивается солнце. Мужчины обсуждают события вчерашней ночи.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Господа, господа. Предлагаю выпить за наше чудесное спасение.

Ночка выдалась бурной.

Чокается с мужчинами.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Ты, Петр, уже четвертый раз пьешь за наше спасение. Хватит уже.

ФЕЛИКС. А я еще охотно выпью.

Опять все чокаются.

Вбегают Задорожный со Степаном. Они очень взволнованы.

ЗАДОРЖНЫЙ. Ялта и Севастополь взяты немцами. По моим данным, немецкий патруль направляется к «Дюль-

беру». Они будут здесь через несколько минут. Вот так, великий князь Александр Михайлович.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Помнится, что совсем недавно вы называли меня товарищ Романов, гражданин Романов и адмирал Романов.

ФЕЛИКС. А власть меняется. Возвращаемся к старым титулам. Разрешите представиться, господа, кто забыл (*щелкает каблуками*). Феликс Феликсович Юсупов, граф Сумароков-Эльстон.

ЗАДОРОВИЧ. Меня, скорее всего, немцы расстреляют или повесят. Впрочем, будь что будет. Я не побегу, спасая свою шкуру.

Распахивается дверь, и в комнату входит немецкий офицер с двумя солдатами. Они одеты в серую немецкую форму. Офицер обращается к Марии Федоровне.

БЕРТОЛЬД. Wir haben die Ehre, Euer Durchlaucht zu bergussen (*далее говорит по-русски с акцентом.*) Имею честь приветствовать вашу светлость. Я полковник германской армии Бертольд.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Ich freue mich sehr, Sie zu sehen, der Herr. Я очень рада вас видеть, господа.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Горячо приветствуем вас во дворце «Дюльбер».

БЕРТОЛЬД. Мне поручать обеспечить безопасность ва-

шей светлости.

В этот момент он видит стоящих в стороне Задорожного со Степаном.

Wer sind diese Leute? Кто эти люди?

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ (*услужливо.*) Это наша предыдущая охрана из Севастопольского Совета.

БЕРТОЛЬД (*возмущенно.*) Большевики? Немедленно арестовать. Sofort verhaften (*говорит своим солдатам*).

Немецкие солдаты подходят к Задорожному и Степану. Заламывают им руки за спину.

Уведите их. Bringt sie weg. Им нужно готовиться к расстрелу.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Я прошу вас этого не делать. Прошу не менять охрану нашего дворца. Оставьте весь отряд Задорожного для дальнейшей охраны «Дюльбера».

БЕРТОЛЬД. Вы серьезно? Это совершенно невозможно. Вы иметь в виду ваших бывших тюремщиков. Оставить их опять вас охранять? Это есть шутка?

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Нет, это не шутка, именно так. Да и они к тому же русские.

Она подходит к Задорожному .

Не волнуйтесь, Филипп Львович. Вы очень хорошо к нам относились. И мы против вас ничего не имеем.

Обрачивается к Бертольду .

Прошу вас отпустите их.

БЕРТОЛЬД (*говорит немецким солдатам*). Lass sie los.
Отпустить.

Солдаты отпускают Задорожного со Степаном. Задорожный подходит к Марии Федоровне.

ЗАДОРОВЖНЫЙ. Благодарю вас, матушка. Вы спасли нам жизнь. Мы этого никогда не забудем (*кланяется ей*.)

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Вы этой ночью спасли наши жизни.

Задорожный и Степан уходят .

БЕРТОЛЬД. Я не понимаю вас, русских. Психология русского человека – самый загадочный и непонятный во всем мире. Впрочем, как вам будет угодно.

ФЕЛИКС. Да, мы такие. У нас еще по улицам медведи ходят.

БЕРТОЛЬД. Какой медведь?

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Не принимайте его слова серьезно, господин полковник. Он шутит.

БЕРТОЛЬД (*обращается к Марии Федоровне*). Ваша светлость, у меня есть письмо для вас от германского кайзера Вильгельма Второго (*передает ей письмо.*)

Мария Федоровна отходит в сторону и раскрывает письмо. Читает.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ (*нетерпеливо.*) Что, что там написано?

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Германский кайзер готов прислать за нами корабль из Константинополя и забрать нас.

БЕРТОЛЬД. Каков будет ваш ответ?

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Передайте кайзеру, что я глубоко тронута, но полагаю, что с вашим приходом в Крым нам ничего не грозит. Никакой опасности для меня здесь нет. Я не могу себе позволить бежать из России таким вот образом.

БЕРТОЛЬД. Heimat ist Heimat. Родина есть родина. Я передать кайзеру ваш ответ. Всего наилучшего. Auf Wiedersehen.

Бертольд кланяется и уходит вместе с солдатами.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Государыня, вы не по-торопились с ответом?

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. А вам не кажется, Сандро, что нас, Романовых, спасает от нашего же народа наш злейший враг кайзер, с которым мы воевали больше трех лет? Что может быть унижительнее этого? Мое присутствие здесь в Крыму укрепит дух защитников полуострова. Я останусь и буду держаться до последнего. А решение покинуть Россию с немцами безрассудно и эгоистично.

ФЕЛИКС (*подходит к Марии Федоровне*). Я поддерживаю ваше решение, государыня. Останемся в Крыму.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Я русская императрица не только по титулу, но и душою. Можно более чем гордиться сознанием того, что принадлежишь к такому великому и прекрасному русскому народу.

Картина шестая

Через три месяца. Гостиная дворца «Дюльбер». Слышны звуки духового оркестра. Все в приподнятом настроении обедают.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Однако появление немецких войск оказало магическое действие на крымское население. Большевицкий дух сразу выветрился, а кто им симпатизировал, поспешили сменить свои взгляды.

КУЛИКОВСКИЙ. Да, престиж немцев велик, хотя германские силы в Севастополе весьма незначительны. Но даже их оказалось достаточно, чтобы восстановить порядок.

ФЕЛИКС. А мне лично тяжело и унижительно видеть, что немцы располагаются в Крыму, как дома.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Я получила предложение от Кайзера Вильгельма Второго провозгласить Императором всея Руси того члена императорской семьи, кто согласится подтвердить Брест-Литовский договор. Я, разумеется, с негодованием отвергла это предложение, заявив, что никто и никогда из Романовых не будет предателем.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Это достойный ответ, мама.

КУЛИКОВСКИЙ. Меня в последнее время огорчает, что многие наши офицеры прибывают в Крым именно для того, чтобы легче отсюда было улизнуть за границу. Это выше моего понимания. Выходит, что у них нет ни малейшего чувства патриотизма.

ФЕЛИКС. А я, напротив, хочу участвовать в борьбе патриотов против разрушительных сил, охвативших страну. И я решил присоединиться к белой армии и через своих людей написал письмо Деникину.

КУЛИКОВСКИЙ. И что вам ответил Антон Иванович?

ФЕЛИКС. Он мне ответил, что по соображениям политического характера присутствие членов и родных семьи Романовых в белой армии нежелательно. Этот отказ меня глу-

боко разочаровал.

Открывается дверь, и в гостиную входит Задорожный. Он в бушлате и матросской бескозырке. За спиной вещевой мешок. В руках у него шкатулка.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. О, товарищ комиссар, заходите, заходите.

ЗАДОРОЖНЫЙ. Я пришел попрощаться. Нужно уезжать, нам небезопасно здесь оставаться. Охранять вас теперь будут офицеры генерала Боровского.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. И куда же вы поедете?

ЗАДОРОЖНЫЙ. На свою родину, в Харьковскую область. Я до революции работал там писарем на Харитоньевском сахарном заводе. Поеду домой на поезде. Пока поезда до Харькова ходят.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Пообедайте с нами. И это будет обед в вашу честь.

Задорожный подходит ближе к Марии Федоровне.

ЗАДОРОЖНЫЙ. Я хочу вернуть вам драгоценности, которые изъял у вас при обыске. Я так и не отдал их в Севастопольский Совет.

Задорожный отдает Марии Федоровне шкатулку.

МАРИЯ ФЕДОРОНА. Спасибо, все эти вещи ценны для меня не по стоимости, а как подарки Саши. Прошу вас, садитесь с нами обедать.

Она кладет шкатулку на маленький стол. Задорожный и Мария Федоровна садятся за стол обедать.

Пауза.

Я, признаться, поначалу считала вас омерзительным человеком, настоящим палачом.

ЗАДОРЖНЫЙ (*смеется.*) Мне пришлось делать вид, что я такой, иначе бы меня заменили кем-нибудь другим.

МИЛИЦА. Почему вы рисковали жизнью ради императорской фамилии? Вы что, тайный монархист?

ЗАДОРЖНЫЙ. Нет, я эсер. Но я считаю, что ни у кого нельзя отнимать жизнь насильственно.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Есть много свидетельств выражения заботы о нас с вашей стороны, и мы вам очень благодарны.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Да, оружие, что вы нам дали в ту ночь, спасло наши жизни.

КУЛИКОВСКИЙ. Особенно пригодился пулемет.

Все смеются.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Даже не верится, что нам грозила смертельная опасность со стороны этого Ялтинского Совета. Сейчас так хорошо и спокойно.

МИЛИЦА. Вы человек широкой души, вызывающий уважение.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Вы не только спасли нам жизнь, но и возродили веру в природную доброту русского народа. Мне глубинно важно понять, как человек ведет и проявляет себя в моменты тяжелейших испытаний. Вы вели себя достойно.

ЗАДОРОВЖНЫЙ. Мне было поручено вас охранять, что я и делал.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. А если бы было поручено нас расстрелять?

Пауза. Входит Степан. Он одет по всей форме и с вещевым мешком.

СТЕПАН. Филипп Львович, пора. Поезд через полчаса. Опоздаем.

ЗАДОРОВЖНЫЙ. Да, Степан. Иду.

Степан подходит к Марии Федоровне и встает перед ней на колени. Целует руку.

СТЕПАН. Матушка, царица. Прости меня, дурака, что

так тогда тебя обидел. И фотографию царя разбил. Я теперь понял, какой я сукин сын.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА (*поднимает его с колен*). Я тебя прощаю, Степан, и на тебя не сержусь. Благослови тебя Господь, дитя мое.

Мария Федоровна подходит к столику, открывает верхний ящик и достает оттуда деньги. Дает их Задорожному.

Возьмите вот деньги, на первое время хватит.

ЗАДОРОЖНЫЙ. Нет, ничего не надо. Я был на жалованье у Совета, и вы мне ничего не должны.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Ну как хотите, подождите... вот это точно пригодится.

Мария Федоровна берет перо и пишет на бумаге несколько строк. Передает листок Задорожному.

Это письмо на моем бланке и с моей печатью. На вас и Степана. Если кто будет останавливать – покажете. Как охранная грамота... пока до своих доберетесь. Я ведь не делю людей на белых и красных. Я делю людей на дурных и хороших. И лишь на этом строю свое отношение к ним. Добро и зло не в людях, а в их поступках. А наши поступки могут вознести нас до небес или швырнуть в глубокую пропасть.

Прощайте.

ЗАДОРЖНЫЙ (*поворачивается ко всем*). Прощевайте, господа Романовы. Не поминайте лихом.

Все встают из-за стола. Задоржний и Степан уходят. Остальные садятся опять за стол.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Вот так, вошел в «Дюльбер» один человек, а ушел другой.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Я вижу в гражданской войне лишь боль и страдания. Это самое большое из всех зол. Нам нужно примирение.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ (*встает из-за стола*). Господа, как вы знаете, несколько дней назад в Севастопольскую бухту вошли британские военные корабли, и адмирал Кэльторн предложил мне отплыть с ним в Англию на корабле «Форсайт».

МИЛИЦА. И что вы решили?

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ (*посмотрел на Ксению Александровну*). После долгих раздумий я решил принять предложение адмирала.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Вы уезжаете всей семьей?

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Нет, я уезжаю с сыном Андреем и невесткой Елизаветой. Ксения Александров-

на отказалась с нами ехать.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Я остаюсь с тобой, мама.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Было бы очень разумно, если бы и государыня императрица отплыла с нами. Король Георг Пятый готов предоставить царской семье убежище в Англии. Но насколько я понял...

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Я уже отклонила предложение адмирала Кэльторна. В Европе царит атмосфера бесполезных сожалений и вечных споров. Я остаюсь в России.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ (*неуверенно.*) Я думаю, что сейчас за границей лучше, чем в России, в смысле порядка и государственных дел.

ФЕЛИКС. И что вы будете делать в Европе, Сандро?

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Мне нужно уехать, чтобы представить в Париже доклад о положении дел в России. Там скоро должна пройти мирная конференция в Версале.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ. Как ты можешь делать доклад о положении дел в России, если ничего об этом не знаешь?

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Ну кое-какую информацию я собрал. Никакие ветры не смогут погасить пламя русско-французской дружбы. Вся Европа нам поможет.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Всякий любит свое Отечество. Но мы, русские, любим его по-другому, по-своему теплее и глубже. Русские люди сами скажут свое слово и

возродят Россию.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Если бы я мог начать жизнь снова, я начал бы с того, что отказался от великокняжеского титула и стал проповедовать необходимость духовной революции.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Я думаю, что в этом случае вы бы подверглись преследованию со стороны служителей православной церкви. В Библии есть все. Никакой духовной революции не надо.

КУЛИКОВСКИЙ. Вы, Сандро, думаете в данный момент о себе, а не о Родине. Родина же требует к себе служения настолько жертвенно чистого, что малейшая мысль о личной выгоде омрачает душу.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Любовь к Родине по силе своей близка к любви к Богу. Прощайте, Сандро.

Александр Михайлович, поклонившись, уходит.

Картина седьмая

Через шесть месяцев. Апрель 1919 года. Гостиная дворца «Дюльбер».

Мария Федоровна, сидя в кресле, вяжет.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Ну вот, кажется, шапочка для моей правнучки Иришки готова.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА (*подходит к Марии Фе-*

доровне и берет шапочку в руки). Мама, ну здорово у тебя получилось. Ты прямо Марья-искусница.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Ладно тебе. Есть ли новости от Сандро?

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Да, живет в отеле в Париже и пишет статьи для журналов по морской тематике.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. У него, кажется, была отличная библиотека, посвященная военному флоту.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Да, почти двадцать тысяч томов. Он считал ее крупнейшей в Европе. Многие книги собраны с большим трудом, после долгих и упорных поисков.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. И где она сейчас?

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Советы превратили наш дом в Петрограде в клуб коммунистической молодежи. И где сейчас все эти книги, я не знаю.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Уже апрель, а настроение не весеннее.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Да, тревожно. Немцы ушли из Крыма, англичане дальше Севастополя носа не показывают, а армия генерала Боровского слишком малочисленна.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Боже мой, когда же эта война закончится и настанет спокойствие?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Война и революция научили нас ценить многие вещи, когда их теряешь.

Распахивается дверь, и в комнату входит красивый молодой человек в морской форме Британского флота. С ним сопровождающий матрос. Он обращается к Марии Федоровне.

РОБСОН. Good afternoon, Your Excellency. Let me introduce myself. Captain Robson of the British Royal Navy.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. I'm glad to see you, Captain Robson, please sit down

РОБСОН. No thanks, I'm in a hurry and I have an important question (*далее говорит с акцентом.*) Я немного говорю на вашем языке, можем продолжить по-русски.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Это очень любезно с вашей стороны. Слушаю вас, капитан.

РОБСОН. Обстановка в Крыму резко обострилась. Большевистские войска прорвали фронт на Перекопе и уже вторглись в Крым. Вам небезопасно здесь оставаться.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Что вы говорите? Этого не может быть.

РОБСОН. Я имею поручение от короля Георга Пятого вывезти вас на корабле «Мальборо» в Британию. Вот письмо от него. Но отправляться нужно немедленно.

Робсон передает письмо Марии Федоровне. Она сразу вскрывает его и читает.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. И когда отходит корабль?

РОБСОН. Завтра, из Севастополя.

Пауза, Мария Федоровна стоит в нерешительности. Ксения Александровна подходит к матери.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Да, мама. В этот раз надо ехать, уже слишком опасно.

Пауза. После раздумья.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА (*обращается к Робсону*). Хорошо, видимо, отъезд из России неизбежен. Но у меня есть условие.

РОБСОН. И какое?

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Я хочу, чтобы вы забрали из Крыма всех, чьей жизни угрожает новая власть.

РОБСОН. Ваше превосходительство, это невозможно. Корабль не может забрать столько людей.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. А сколько человек вы можете взять на судно?

РОБСОН. Максимум шестьдесят. Мы готовы взять всех Романовых и их родственников.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. И ничего нельзя сделать?

РОБСОН. К сожалению, нет.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Это печально. Нам нужно несколько дней на сборы. А корабль может подойти в порт Ялты? К нам это гораздо ближе.

РОБСОН. Хорошо. Это в моих силах. «Мальборо» придет в порт Ялты через четыре дня, чтобы забрать беженцев. Прошу вас быть готовыми. Good day and see you soon.

Робсон отдает честь и вместе с матросом уходит.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА (*подходит к матери*). Мама, мы не поедem с вами в Англию. Мы решили переехать на Кавказ, где мой супруг полковник Куликовский собирается вступить в ряды Добровольческой армии генерала Деникина.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Что ты такое говоришь, Ольга? А как же малыш?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Мы с моим Кукушкиным не пропадем. А с Тихоном я за это время научилась справляться. И нянчить его, и еду готовить, и белье стирать.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Это глупое решение. Вы должны ехать с нами. Я приказываю.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Нет, мама, мы с Николаем уже все обсудили. Он не мыслит себя вне служения Родине.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА (*чуть повышает голос*). Никогда, запомни, никогда я не прощу за это тебя и своего зятя.

Ксения Александровна подходит и обнимает мать.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА. Мамочка, пожалуйста, не волнуйся. Мы все уедем с тобой. И я, и Петр Николаевич с Милицей, и Феликс с Ириной и с твоей правнучкой. Все, все. Мы обязательно будем вместе.

Мария Федоровна выходит в центр зала и смотрит в зрительный зал.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА. Пятьдесят лет назад я, датская принцесса Дагмар, пожертвовала своей молодостью, красотой и счастьем для блага чужой страны – России. Я присутствовала на мученической кончине своего добрейшего свекра императора Александра Второго, которого привезли во дворец, разорванного бомбой террориста. Я страдала и терпела, видя, как мой муж Александр Третий не щадил себя для России, погубил свое здоровье и прожил всего сорок девять лет. Моего сына Николая расстреляли большевики, но я не верю в его смерть. И сейчас я испытываю горькие чувства из-за того, что мне таким вот образом, перед лицом смертельной угрозы, приходится уезжать из России. Я прожила здесь пятьдесят один год и всем сердцем любила народ и страну. Я три раза встречалась с Достоевским, Петр Ильич Чайковский учил меня играть на фортепиано, Тютчев и Фет

посвятили мне свои стихи. Все они были истинными патриотами России и любили свою Россию беззаветно. Россия больше, чем страна. Это состояние духа, мироощущение, особое видение. Я покидаю это место с нестерпимой болью в сердце.

Картина восьмая

Октябрь 1928 год. Дания, недалеко от Копенгагена, сельский дом. Гостиная. Простая обстановка. Стол, стулья. Справа кресло-качалка. Ольга Александровна пишет картину, Куликовский подкладывает дрова в камин.

КУЛИКОВСКИЙ (*обращается к Ольге Александровне*).

Сколько ты уже картин написала, Оленька?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Более пятисот. А что, мне нравится. Кроме того, мои картины покупают и доходы от их продажи позволяют нам жить достойно.

КУЛИКОВСКИЙ. У вас, у Романовых, прямо страсть к живописи. Ну все картины пишут. (*Поднимается во весть рост и обхватывает руками спину.*) Сегодня больше обычного болит спина. Этот Расмуссен просто деспот. Нанял меня управлять своими конюшнями и думает, что я буду носиться с его лошадьми с утра до вечера. Вообще-то выходные тоже должны быть.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. А Ты поговори с ним. Ты лучший наездник в округе. Где он еще такого найдет.

КУЛИКОВСКИЙ. Нигде. Николаевское кавалерийское

училище я закончил со степенью, а местные крестьяне только коров умеют пасти. А к лошади особый подход нужен. Это тебе не корова. Пойду газету из ящика возьму.

Уходит из дома. Ольга Александровна продолжает писать картину. Приходит Куликовский. Садится в кресло-качалку и начинает читать газету. Вдруг он бледнеет, кидает газету на пол, вздыхает, опускает руки. Ольга Александровна замечает это.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА (громко.) Николай, что с тобой? Ну что случилось?

КУЛИКОВСКИЙ. Твоя мама, Мария Федоровна, умерла, вчера....

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Не может быть.

Ольга Александровна бросает писать картину, подбегает к Куликовскому и берет с пола газету. Начинает читать вслух.

«Вдовствующая Российская императрица Мария Фёдоровна Романова, урожденная датская принцесса Дагмар, умерла тринадцатого октября одна тысяча девятьсот двадцать восьмого года в замке Видёре под Клампенборгом. Отпевание назначено на девятнадцатое октября в православной церкви. Она будет похоронена рядом с родителями в

саркофаге королевской усыпальницы, расположенной в соборе датского городе Роскиле. Там же покоятся другие члены датской королевской семьи».

Ольга Александровна медленно опускается на стул. Кладет газету на стол.

КУЛИКОВСКИЙ. Очень печальная новость. Сколько ей было?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Восемьдесят лет. Из них, по-моему, больше пятидесяти она прожила в России.

КУЛИКОВСКИЙ. Она пережила Ники на девять лет... Мне кажется до самой своей смерти она не верила в гибель любимого сына.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Я не была близка так с мамой, как моя старшая сестра Ксения. Но я любила ее всем сердцем.

КУЛИКОВСКИЙ. Ты помнишь, как мы прощались в порту Ялты, когда она покидала «Дюльбер». Мария Федоровна была в черном закрытом пальто и черной шляпе.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Конечно помню. Корабль уплывал все дальше и дальше в море, а она еще долго смотрела в бинокль, который держала у ее глаз ее правнучка трехлетняя Ирина Юсупова.

КУЛИКОВСКИЙ. Она недолюбливала меня, ну как же, я не царских кровей. Но она была настоящей русской импе-

ратрицей; с сильным характером, чувством долга, глубоко религиозной, сострадающей к людскому горю. И самая главное, даже за пределами России она не утратила любви к русскому народу, хотя на ее долю выпало столько испытаний в этой стране.

Ольга Александровна встает. Пауза.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. За свою жизнь мама потеряла не только мужа, но и двух своих сыновей и пятерых внуков. Но не согнулась, не сдалась, святая женщина...

Пауза.

КУЛИКОВСКИЙ. Я опять подумал о «Дюльбере». Кто там сейчас обитает и где наш спаситель Задорожный?

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Не знаю. С тех пор о нем ничего не было слышно. Но мне кажется, что он успел преподнести современникам и потомкам самый важный урок, когда в условиях кровавой гражданской войны люди могли оставаться людьми и проявлять милосердие к ближним.

**Играет вальс Шостаковича номер два. Гаснет свет.
Конец пьесы. Занавес.**